

В А С К Р С Ъ

УСТАВА СЕРБИЕ И НАРОДНѢ ПРАВДЕ.

Т. Ё.

ИЗБОРЪ КНЯЗА У ВРАЧАРУ.

2. СЕПТЕМВРІЯ 1842. год.

Скликташе се у Врачаръ Србови,
 Кано у зракъ млађани орлови,
 Да огледну своя крила вѣйта;
 А кад' Срби ту се искупили,
 Сва Окружа ту се угледала,
 Сложно зову преда се Вучића:
 „Дай намъ Княза Серба, господара,
 Мехлемъ нек' е намъ на сваку ранну,
 Да нерамль до вѣка Србство,
 Ёрѣ за главомъ стои посо свакій!
 На то збори Вучићъ Перишићу;
 „Ено Княза вашегъ у Земуну,
 Побѣго е одъ скупштине ваше,
 Онъ са некомъ началномъ господомъ,
 Зовите га како вамъ е драго.!!
 Ал' му збори сва Народня воля,
 Ёднимъ словомъ изъ грла свакога:
 „Князь - Мияйло было и прошао,
 Штол'е нама тко бѣжи одъ наске,
 Кои пѣва када мы плачемо,
 Тко насъ гняви, а да самъ се слави!
 Самъ съ изроднимъ нап'рсниц'ма своимъ!
 Куд' е пошо, нека и одлази,
 Кано ланьско инѣ и китина,
 Нека тражи, гди ѣе Србство наѣи,
 Да зулуме подноси нѣгове;
 Отим'о е, што у кога хтео,
 Ни педѣ нѣве Србъ да нейма свое,
 Чимъ бы дѣцу свою захраняо,
 Свак' да нѣму годи единомѣ,
 Реко' бы е онъ божество вышнѣ,
 Два су ока у по единой глави,
 Обреновићъ и та е свадіо;
 А камо му разумъ и Уставъ
 Што намъ свѣма Царъ честитый даде,
 Да е свакомъ по могућству добро,

То државу ствара и подиже,
 А безъ тога никудъ ни корака,
 Већ' да безтрагъ, онъ куд' поѣе сада;
 Нѣе пастырѣ нит' е за пастыра,
 Ни домаћинѣ нит' за домаћина,
 Већ' Наймникъ, и одъ Наймника,
 Па нек' тражи далѣ за се найма!
 Но Вучићу познанъ Снароднѣиче,
 Дай за Княза Србству Александра,
 Млађег' сына Карађорђевога,
 Одъ Бога е онъ аманетъ нама,
 Нѣга ѣемо сви слушати радо,
 Осрећит'е онъ сву нашу землю,
 Како насъ е отацъ му браніо
 Одъ зулума правди душманина,
 Та одъ Хайте и одъ Дахилука,
 Кои незно ни самога Бога,
 То ли Цара у Стамболу свога;
 За тог' сви смо Княза дошли амо!
 Нѣму владу да надѣ собомъ дамо,
 Нѣга нам' е и Богъ намѣніо!...!
 Та нѣму ѣу на истомъ Врачару,
 Божіомъ вољомъ када се родіо,
 Србска войска и Србскіи топови,
 Радость обшту тадѣ іошѣ показали,
 А слутѣи да ѣе се и стеѣи,
 Да онъ буде свог' наслѣдникъ отца —
 Пастырѣ здравый, та домаћинѣ правый,
 Кои хоѣе пазитѣ свое свойски,
 И свакога одъ Народа свога
 Закланяти муке и неволѣ,
 А затират' кривду и безсудство;
 Што е мрзѣко и Богу и цару,
 И свакоме мудрому господару.“
 Све ій редомъ іошѣ Вучићу пыта,
 Узасопце по неколка пута,

Свакій зборте што кои волите,
Велите ли то вы свиколицы?
Немойте се браћо прехитати,
Немойте се сутра покаяти;
Князь - Михайла сва Србія знаде,
Да е собомъ онъ діете лудо,
На зло су га другій наводили,
Коима е онъ текъ вѣровао,
Ньихъ се држо кано и пянъ плота;
Нехотично или незналично
У зло і' свако истый угазіо;
Него дайте да му опростимо,
И да нѣга самогъ повратимо,
Быт'ће больій посадь одъ свакога
Србъ незнамо худъ іошъ ни овога
Ког' вы сада хоћете за Княза. "
Ал' Вучићу опетъ народъ вели,
Те изъ єдног' ума и помысла:
„Чуй Вучићу, чуй и сватко свуда!
Змійче раћа тек' свакада змїя,
А змїя е отровна гадина,
У змїю се и врагъ претворіо,
Кад' човека Богу омразіо,
Змїю тко ће у нѣдра метати,
Іошъ ће маню опасность имати,
Но да грли Обренбеговића,
Съ тог' Мы ћемо Карађорђевића,
За Србскога господара Княза,
Прилика е да ће больій бити.“
То кад' чуо Вучићъ Перишићу,
То кад' чуо, и кад' разуміо,
Да већъ нейма єдне душе Србске,
Коя жели друго и помишля,
Заигра му срце у прсима,
Брка му се оба осмѣшнула,
Пакъ имъ збори кратко а свесрдно;
„Кад' е тако моя браћо драга,
Ето вама пожеланогъ блага!
Одъ Србіє свакогъ Окружія.
По неколка одберте се друга,
Айте тамо скупомъ посланички,
Све у Бога и Народа име,
Те нађите и позовте тога
Господара и Княза новогъ;
Онъ е прва и найболя лоза,
Онъ и свакомъ душману е гроза;
Кад' га цѣлый народъ воли Србскій,
Србъ безъ Бога и божіє волѣ
Ништ' небыва, нит' се случит' може,
Текъ што човекъ самъ посѣва жетву;

Одъ честита све честито бива,
Сва надежда на том' се оснива,
Оправдай е о честитогъ сыне!
Помагай му Боже одъ истине!!
Я већ' истый ништа нећу выше,
Но Србъ свакій да слободомъ дише,
Па неволю и обиду обшту,
Ткогодъ види када и одъ кога,
Да не чека и нетражи мене,
Я ћу бити пакъ ћу преминути,
Уставъ да е свакомъ Србу право,
Днѣ оружѣ на душмана обшта,
Ма онъ быо съ поля ил' унутра;
Завѣтъ Србству то е одъ мен' вѣчный,
Србъ текъ тако Уставъ благотворный
Обстати ће Србству и потомству.“
Када Вучићъ рієчь скончіо,
Да е коме было погледати,
Те радости и обште милости,
Самъ бы знао, шта бы чуйствовао,
Србъ то єзикъ немож' изказати,
А іошъ манѣ перце описати;
Одъ Косова до истога дня,
Србска слога іошъ несможе тога! —“
Сви свакада што Срби желили,
Ев' садай су топрвѣ дожелѣли,
Пак се скачу на ноге юначке,
Те послаше своє посланике
Правителству и Совѣту своє,
Да имъ спреми Княза избраногъ,
Да народу преда га у руке;
Совѣтъ ово єдва дочекао,
Совѣтъ ончасъ Аврама Њехаю
Одаслао своє Князу дома,
Да му яви свєг' Народа волю.
То Князь новый а господаръ правый,
Кадъ е чуо и кад разуміо,
Да га Србство у свом' срцу има,
Предъ икономъ самог' Саваота,
Капу снима и крстомъ се крсти,
Благодари на вышнѣмъ промислу:
„Вѣчнога е милость безпредѣлна!
Рукуй мноме Боже и поселе,
Ка' крозь страднѣ што си ме доселе
И видіо, и божески чуво',
Теб' ћу свагда я све служит' свойски.“
Княже Србскій Карађорђа сыне,
Сад' съ Њехаіомъ на кола е сѣо,
Па отиде у Совѣтъ државный,
Совѣтъ Княза у прочелѣ ставля,

Богъ да живи Александра Княза!
 На то добу Народа посланцы,
 Старѣшине и првый юнацы,
 Да свог' прійме одъ Совѣта княза;
 Оде горѣ Лазаревихъ Лука,
 И за нѣмѣ Книжанинъ Стефане,
 А за нѣмѣ делія Богдане,
 Па кад' были на горнѣму спрату,
 У совѣта засѣданѣ ушли,
 Поклонѣ чине свом' новоме князу,
 Одъ свег' Србства и одъ свег' Народа,
 Проговара исподъ рана Лука,
 Што су на нѣм' юште са Мишара,
 Кад' воєво съ Караѳорѣмъ храбро:
 „Тебе хоће Княже Алексаандре,
 Тебе хоће Србскій народъ цѣлый,
 Тебе хоће за свог' владателя,
 Свою срећу да съ тобомъ ужива,
 Свою славу да твоіомъ умложа,
 Честитамъ ти тако достоинство,
 Одъ пунога срца Народнѣга,
 Млога теби у той срећи лѣта,
 Богъ ти дао да Србство ти цвѣта!“
 На то младаый Княже Александро,
 Пружи руку да пригрли Луку,
 Ал' га Лука прифата за руку,
 Пакъ изведе у посланство цѣло:
 „Ево браћо намъ одъ Бѣга Княза,
 И владалца и давногъ страдалца
 Но Богъ свое нигда не оставля,
 Тек' на болѣ свакадъ ий управля,
 Я немаримъ сада умрѣти,
 Кад' самъ ово мого доживѣти,
 Те самъ сына Србска господара,
 Угледао на Отца му мѣсту.“
 Лука рієчь ту сузамъ заліо,
 Кано росса раного босилька — !!
 Ту на коня Князь є нашъ узяхо,
 И съ алаіомъ у Логоръ изяхо,
 Народъ Княза савъ дочека радо,
 Све парадно и све у оружію,
 Утомъ сяха Княже Александро,
 Ста предъ чадоръ за нѣгъ разапетый;
 Ту і' свештенство и владике саме,
 Митрополитъ тек' спомену вѣрность,
 И Князь рече чувати Устава:
 „Пріє волимъ собомъ умрѣти,
 Него Уставъ у чемъ преступити,!!“
 Сад' Велможе подигоше Княза,
 Да га види Србскій Народъ цѣлый,
 Небу и себ' вазлюбљѣна владца;

Одъ нѣи дана заруменис' лице;
 Урра, грми, Князу Алексаандру:
 „Урра сыну нам' свеобщтег' отца,
 Нѣму што смо за насъ умревшему.
 Мы заклетыи, мы чинити дужни,
 Сыну ћемо то све подмирити!
 Народъ нѣє свога добротвора
 Юшъ ни єдног' заборабльо нигда,
 Тол' не дивна Караѳорѣа игда,
 Одъ нѣг' док' є рода и племеня.“
 Сада писаръ Янковићъ Алекса,
 Обшту прозбу ончасъ написану,
 На обадва Царска довѣрника,
 Додао є Србу Кнежевићу,
 Те є чати да се чує явно,
 Да све Србство презре све Обреиство,
 Како сада тако и свакада
 Нѣговъ и трагъ брише изъ памети,
 И да Царъ га тако исто презре,
 Пакъ да Србствомъ новоизбранного,
 И одобри и припозна Княза,
 Александра Караѳорѣезића,
 Ког' є Србству и Богъ дочеувао,
 Преко млого бѣде и неволь. —
 Кад' се и тог' Вучићъ насладио,
 Свогъ є хата топрвъ пояхао,
 Урећує Народъ навалившій,
 Свакии Србинъ радъ полюбит' Княза,
 У десницу та юначку руку,
 Ал' Князь руку никоме не дає,
 Већъ онъ грли узъ груди свакога
 И зборне имъ каднокада исто:
 „Фала вама на признанію браћо,
 Ваша любва, моя є надежда!“
 Ту свакъ лично предаде му срце,
 И завѣта кано аманета:
 „Богъ те живи намъ свѣтлый Кнеже,
 Чиста любавъ къ Теби насъ притеже.
 Бывай нама и отаць и майка,
 Мы до смрти пазићемо тебе,
 Кано исто свакий свою душу,
 Богъ ти ємаць и савъ божій спѣте.“
 А када се и то савршило,
 Вучићъ зове исте посланике,
 Све Народнѣ прве избранике,
 Што су Княза у Народъ извели,
 Помену имъ да везиру поћу,
 И честитомъ Шекибъ-Ефендіи:
 „Ћамилъ-Паша Намѣстникъ є Цара,
 А Шекибъ є Царскій посланиче,
 Нѣима каже кога сте избрали,

Спасай Србство, а сражай одлюдство,
 Ако б' собомъ . . . я от негоао;
 Богъ ће теби самъ на руцы быти,
 Богъ два сына єдном' отцу даде,
 Ал' дас' отаць замѣни навѣрно. — “
 То кадъ чуе одъ Србина млада,
 Заніємъ Србине Душане,
 Упропашѣс' ко' никада ніе,
 На землю є мртачки пануо,
 Потапля є крвавим' сузама
 Докъ одъ себе чут' є дао гласа:
 „Та' повѣда ни мен' живѣт' неда!
 Одъ нѣ мрієтъ морамъ и опета!!
 Тек' овак' є онда было мени,
 У Призрена кад' самъ изъ Звечана,
 Изненадний, та за ме громовный,
 Гласъ и начинъ очине ми смрти
 Я добио, я све разуміо;
 Боже милый тко ће преболѣти!
 Вѣчну муку, та ту Србства бруку? . . . ?
 Лишит' бы се све . . . волю желѣ,
 Нег' то што самъ я морао чути. —
 Охъ Душане ну т' найвеће ранне,
 Садъ самъ умро я управо смртски
 У истоме Караѣорѣу своме! . . . ?
 Онъ и мене шѣаше осветити
 Над' подлима оним' Дяволима . . .
 У мене є онъ одъ сваког' веіій,
 Онъ є лице Срба освѣтліо,
 Право Србство и Србско юнаштво,
 Што є было великог' Уроша,
 И за Краля Милутина мудра,
 Караѣорѣє і' опет' пробудіо,
 Караѣорѣє і' то све васкрсіо,
 Обновіо та снов' зачедіо,
 Свуколику свега Србства дїйку,
 И пред' Богомъ я ѣу признат' ово;
 Та онъ смрѣу више і' ползовао
 Нег' Ада'му змія . . . додіяла;
 Свем' своинству, и осталомъ людству,
 Што миръ люби, што ли Христа слави
 И Сѣверцу, Србском' истовѣрцу
 Свим' жертвама услужѣ своимъ! . . . !
 Тежко л' на вѣкъ своме брезъ своєга,
 Ка' и окцу єдном' брезъ другога,
 Ка'но л' мачу брезъ мышице чврсте! — !!
 У то сину преко свєг' свїєта,
 Небеса се, реко б' отворише

На ришѣанско Богоявленіє,
 Свѣтъ сѣвера ка' и сунце ярко,
 Съ Аквилона, тер' до Хаматана;
 Изъ ясноће неба божественне,
 Указа се надъ Србіомъ лице.
 Аранѣла, Србству хранителя,
 Пакъ прозбори кратко разговетно,
 Кано т' Славенъ своим' Славенима,
 „Чуйте Србы, и сви ваши грбы!
 Никог' другог' ни Руссія неће,
 Но ког' избро' и савъ народъ Србскій,
 За Србскога Княза Уставнога,
 На побѣгша мѣсто Михаила;
 Сва Руссія, ко' Славія майка,
 И нѣтъ самій царе Самодржче,
 Свем' Србинству, своме снародньич'ству
 Исто жели, исто и честита:
 „„Богъ да живи **АЛЕКСАНДРА КНЯЗА**,
 Обновлявца свог' истога Отца,
КАРАѢОРѢА Србству замѣніо,
 Правдомъ вѣчномъ своєга Устава
 Надкриляво' свое отечество
 У честь общту духа Славенскога,
 А на дїйку имена Србскога!““
 На то гракну и громко подвикну
 Сва скупштина Србскога народа,
 Одъ свакога реда и заната:
 „Урра Князу вѣчно избранномє,
АЛЕКСАНДРУ КАРАѢОРѢЕВОМЕ, !!
 Отцу што му, то смо дужны нѣму,
 Онъ є нама свим' своим' Србима
 Князь и владаць за живота свога
 Србства і' среѣа, те неможе веѣа,
 Онъ ће живѣт' вѣчно у Србинства
 Ка' отаць му код' Србскогъ воинства,
 Ткол' нѣг' неће, том' се не намеѣе,
АЛЕКСАНДРУ вѣчно цвѣтай цвѣѣе!
 Нѣму і' доста и Србїйске владе,
 Богъ пожив' нам' Богомъ суѣенога
 Свим' народом' Княза избраннога
АЛЕКСАНДРА КАРАѢОРѢЕВИѢА
 Вѣчно првог' Србскога племиѣа !!!
 Аминъ Боже тебе умолямо,
 Милость ову одъ теб' изгледамо,
 Вѣрна желя вѣрна є надежда,
 То Србъ држи, єръ онъ Богу служи,
 У свакоме ко' у дѣлу томе. —

Сочиніє

Симеонъ Милутиновиѣ Сарайлія.

Ха! ? ето! — .

БИБЛИОТЕКА
МАТИЦЕ СРПСКЕ

В А С К Р С Ъ

УСТАВА СРБИЈЕ И НАРОДНЪ ПРАВДЕ.

Божя рука ослобођа мука
Цѣло Србство, себ' свевѣрно людство,
Посве сада, и то на свакада —

Данъ и трећий ево намъ васкрса,
О ришћани Србска браћо драга,!
Нашъ спаситель опетъ васкрсава,
И то сада, како јошъ никада,
И то сада, и то засвакада,
Свему Србству, свом' све вѣрну людству!!
Правда поста изъ истине свѣта
У Србије срцу и Народу,
Ћубас' диже и најманѣгъ цвѣта,
Попакъ цврчка, и славуякъ пѣвка
Чуда творца, свог' свеобшта отца.

Ние пала нит' е појавъ мала,
Тко и снива, тко ли разумѣва:
Гробовлѣ се отворило Србско
Мртвим' своим' само десницама,
Одъ старине све до данашњине;
Све е мртве љубавъ оживѣла,
Љубавъ Србства, и свег' му потомства,
Свой народъ е мио и мртвима,
Гробъ е љубве у живости самой,
Што л' у гробу смртног' спокојава,
Исто нѣга подиже изъ тога;
Срб-кликъ слоге, Срб-правице пѣвке
Потресла су обадва свѣта
У Србије народу цѣломе,
Та у Србству благонадеждноме;
Древнии дуси овда се пренули,
Сви на крила сложно устанули,
Слећели се у полъ Врачара,

У Врачара изнадъ Београда,
Негдашнѣга обичая свога.
Брой духов' е брезъ броя свакога,
Барякъ имъ е свѣма Обиљане,
За њимъ ходи Неманя Душане,
А узъ цара дивный Карађорђе.
Садъ све мало выш' Авале стало,
Тер' погледа долъ къ Београду,
Ал' угледа с' полумѣсечіе
Вр' еднога свода огромнога,
Јошъ да крвца и Дунавомъ тече
Одъ свачега с' крвљу сазданого,
Дунавъ самій воде пожеліо,
Одъ жеђи е Дунавъ запѣніо;
Ал' наокол' изнадъ Београда,
Конъ до коня, јунакъ до јунака,
И топови ка' божји трескови,
И свештенство а за свое Србство,
Пушке пламѣу, а топови треште,
Свак' бы реко бой се онај бие,
Кадъ Сатану Богъ е поћерао
Чакъ прозъ Ада у кромѣшню тмину,
Сва зла вражя там' да смрзне вѣчно. —
Но запыта Србине Душане
Шта е оно тко ми зна казати,
Ја штоно самъ јоште невидіо?
Ончасъ обрес' готовъ Карађорђе,
Цару збори, право све говори:
„Оно ти е, мой честитый Србе,
Оно т' нам' е Србскій Београде,

Што в само твой некада было,
И што си га Србству оставио,
Ал' се у нѣг' туѣинѣ увалио,
Жертвилиште у нѣм' начинио,
Онѣ крвѣ пѣ ко што нитко нѣ,
Мѣшто воде, и весела винца,
Онѣ у крвѣ в Дунавѣ претворио,
И то крвљу Срба ришћанина,
Што не кланя него метанише,
Предѣ истѣмѣ свега Саздателѣмѣ;
Онѣ се зове Хайта крчжалія,
А то значи голый Яньичаре,
Са дружиномѣ неким' Дахіяма,
Тиѣ немисле ни себ' самим' добра,
То л' да ядномѣ учине га Србству,
После тебе преонесрећенну . . .
Богѣ насѣ хоѣе зарѣ да још' докара
За грѣхове наше и предачке,
Да се собомѣ болѣ освѣстимо,
Нит' в друга свог' в молит' Бога,
Не бы л' кадгодѣ намѣ се смиловао — !!
Уздахнуо Србине Душане,
Уздахнуо мал' не издахнуо,
Ал' прозборит' ништа немогао,
У том' пошли мрвке на прѣда,
Докле треска и веѣа се чуйне,
Опетѣ пыта Србине Душане:
„Да шта і' оно, докле л' ѣе онако?
Гнѣвѣ и мене истог' подузима,
Мачѣ ми мышца и сама сподбія,
Тамос' дѣле душе са живот'ма,
Сяс' оружѣ и мномѣ нечувено,
Ол' невидимѣ я јошѣ свеколико!?“
Србу збори опета Србине;
„Господару свечеститый царе!
Сад' засада веселѣ в тамо,
Још' едног' ми Богѣ в дао сына,
А оно в све воинство мое,
Оно слави благодатѣ небесну,
Свемогуѣій штоно повторавѣ,
Сво Србинство пригледат' божески — !!
Насмѣхну се Србине Душане,
Пакѣ присука своя оба брка,
Пакѣ му рече, ал на землю клече:
„Богѣ ми тебе поживио, Србе,
Александромѣ сынѣ тис' именио!
Самѣ ко' што си, онѣ ти честитѣ быо !!

Чисте желѣ Србства подмирио!!!“ — ?
Мою круну онѣ ти устакнуо. — “
Но садѣ свану, и сунце ограну,
Тер' и ближе дуси приступили,
Ал' у танкѣй облак'се завили,
Пакѣ су стали те опетѣ гледали,
Како пра'сакѣ малко препочине,
А и пу'цанѣ снов' се разтрештава,
Тек' и дымсе болѣ прозиркава,
Јошѣ опета Срб-Душане пыта:
„Я штас' оно по рудини валя,
Кано сноплѣ и покланы яньцы,
Све у крви гнѣорас' и тописе?“
Цару каже опет' Караѣорѣ:
„То су жертве оног' зулумѣара,
Штоно гинуѣ одѣ нѣга се бране,
Воле мріет', нег' ли робски живѣт'.“
Ал' још' нѣга Цар-Душане пыта;
„Штал' и тко в, те яуче тако,
Да ми обѣ уши заглухнуше,
Туга ми се у срце заврла,
Кано да ѣе у нѣм' вѣковати,
Ол' га хоѣе свега распрштати,
Казуй брже, да не свиснемѣ сѣ нова,
Другична в топрвѣ смрѣ прегорка,
И прегорка, и вѣчита само.“
Ал' му вели опетѣ Караѣорѣ:
„Чуй ме царе, почуй господаре!
Твой облазакѣ Србскога Народа,
Твой пригледакѣ и земљице Србске,
О Срб-Царе, свег' свременства чудо,
И свог' Србства, кано и свег' Славства,
Вѣчна дико, и божія слико!
Анѣо ми в мой хранитель казо;
Одѣ милинне л', да васѣ видимѣ прѣ,
Теб' и твоѣ овѣчено дружество
Брезглавну самѣ оставио войску,
Такву войску што в страхѣ варварству,
И свим' ужасѣ душман'ма Србскимѣ,
Но лукавацѣ . . . меѣ ѣ нѣоме се наш'о,
Улучио доба и прилику,
Мѣшто мене наметнути себе,
Моіой войсцы, свег' Србинства мышцы,
Пакѣ све колѣ, и убія Србе,
Коигодѣ га за ме упытаю,
Коигодѣ га за ме непризнаю,
Мене траже, нѣга обилазе,

Тко л' презире нѣг' у свему гнусна;
 Онъ текъ навро да себ' обогати,
 Ма све живо ликомъ опасао:
 Свой кадъ ранни дублѣ обранява,
 Туѣа кривда нам' є теке мука,
 Ал' одъ свое до Бога се кука,
 И я тамо сад' неймадемъ камо,
 Брезъ горести свое и Србинске,
 Спрохъ васъ кад' самъ све пренебрегао...
 Већ' да Богъ ме къ нѣм' опреми самій,
 Кадъ нѣгова то узволи воля. — “
 Све умукну ко да никог' жива
 Нит' имаде, ни ту бѣше каде,
 Духов' саямъ ипак' примако се
 На самъ шанацъ Лаудона старца,
 Дас' извѣсти іошъ о умуклости
 Истога людства, та свег' свога Србства,
 И тек' шѣаше упытат' Неманя
 Іошъ истога Караѣорѣа свога,
 Онъ ли незна шта є тамо друго
 Ал' овога нешта искрай нѣга;
 Пакъ ненадке, и то истопрвке
 Развикну се истоветно людство,
 Јуцѣма Србію испуња,
 Сложнимъ грломъ све замѣня гrome,
 Реко б' небо сад' се стропоштава,
 Или скрозно свас' продире земля,
 Да све мртва прождере пучина:
 „Богъ убіо тог' и пріятеля!
 Богъ убіо истога побратима!!
 Бот' убіо и роѣного брата!...?
 Тко і' украо измеђ' толицине
 Единитог' владателя свойског',
 Изъ логора..., пакъ изъ Београда,
 Караѣорѣа Србска Господара,
 У правоме смыслу Самодржца;
 Одведе га ко' найхуѣег' роба,
 Ни куплѣна нити зароблѣна,
 У Нѣмачку, у страну Ћесарску,
 Пакъ съ нѣм' отуд' єдва у Руссію;
 Но и отуд' тко га опет' враѣа,
 Само самогъ, и то преиначног',
 У Србію међу Србадію
 Іош' претайно съ єдинимъ Науномъ,
 Мѣшто силе и помоћи сваке,
 Обѣћанне вѣрнымъ словомъ друга...
 А да прійми онъ вѣчито вѣрный
 Отечество и Србіє владу!...
 Богъ боговат' неперстає нигда,
 Но тек' обманъ престає цароват'! — ?

Залудъ теби велика Руссіо!
 Залуд' свег'є теб' Србинства сродство!!
 Залуду ти слава и юнаштво!!...?
 Душманъ явный твог' истога брата
 Твоіомъ куѣомъ, и државомъ влада,
 Подъ мачъ ставля, и у бездну тиска,
 Кадъ ког' хоѣе брата Славенина,
 Кано истог' Караѣорѣа Србског',
 А да цѣло никада Славенство
 Неуздигне свое дичне главе,
 Нит' погледа оч'ма по свіету,
 Окол' себе на све четир' стране;
 Спрамъ Славенства онъ бы заръ учезо,
 Тако мысли тако и вѣрує,
 Томес' нада, и чува се тога,
 Онъ и нѣговъ васколикій... роде,
 Себис' бои, нам' о злу настои;
 Славени л' му слабостины кривы?
 Но правога Славъ іош' има Бога,
 Ткос' чег' бои неѣс' убояти,
 Ткол' узаймля, мора и враѣати,
 Кадъ ли, тад' ли, на свіета суду,
 Ћес' и за зло свакимъ добромъ плаѣа,
 Ће л' се мрѣше о мышце крше;
 То ни єдно, а некмол' обоє,
 Нитко немож' одъ Славяна болѣ,
 Іошъ ни тако, нити пакъ толико;
 Слав-Израилъ Божія є войска...
 И то немож' сасвим' Слав'ма нитко. —.“
 У то Србче изъ тогъ мложтва ниче,
 Младо Србче, рієдко юначе,
 Но јукомъ и запѣвкомъ силномъ
 Замукнуло сву громилу ону:
 „Отца ми є Милошъ погубіо,
 Чрезъ Вуицу Србства издаицу,
 У планини Србской Радованю,
 Да га нитко ніє ни чуйнуо,
 То л' сви Србы у помоћъ му стигли,
 Ка' сви што га потад' оплакую!!...!
 А так'о ми Бога истиннога,
 И Клименте имена кр'снога,
 Я не быо првородный Сыне
 Караѣорѣа крадомъ погублѣнна,
 Та не быо я нѣговъ Алекса,
 Нит' я быо Србинъ одъ Србина
 Убилца му ако не спрштіо,
 Ће га найпре игда удесіо!...! —.
 Чул' ме млаѣій брате Александре!
 Све упанти мое ядованѣ,
 Све изврши мое зарицанѣ,

И чиме ће обрадоват' Цара,
 Ко државногъ землѣ господара. — “
 Избраницы Србскій Посланицы,
 Садъ на конѣ добре пояхаше,
 Одъ стотине манѣ ни єднога,
 И ту і' предъ нѣмъ Лазаревићъ Лука,
 Пакъ одоше у градъ Београдскій,
 Како валя и каконо треба,
 Ту изађу сви предъ Царске люде,
 И кажу нѣмъ порашта су дошли,
 То кад' чуле вѣрне слуге Царске,
 Одъ радости све іѣ загрлише,
 И Народу на томъ зафалише,
 Кад' в Цару приверженикъ своме,
 Те признае Царска добротворства,
 И Устава Царскогъ аманета;
 Іошъ одвише увѣре іѣ оба,
 Да ће они Цару описати,
 Све искрено приврженѣ Србско,
 Къ честитоме Цару отъ Стамбола,
 Къ своме Цару, къ своме добротвору;
 И надежду найлѣпшу нѣмъ даю,
 Да ће и Царъ тога припознати,
 Ког' в Народъ себ' за Княза избор'.

Съ овимъ гласомъ вратес' посланицы,
 Там' у Врачарѣ, међу свою браћу,
 И до свога Княза избранога,
 Тер' објаве свомъ Народу Србскомъ,
 И своему Князу вазлюбљѣнну,
 Задовольство Паше и Шекиба,
 О свеобштемъ Народнѣмъ избору;
 Садъ се топрвѣ обрадує Србство,
 Сад' огласе и топови Сраскій,
 Свєг' Народа славу и веселѣ,
 Одъ Неманѣ іоште небывавше,
 Мало было, манѣ проминуло.
 Ал' ето намъ Паше честитога,
 И Шекиба Царскогъ посланика,
 До у Врачарѣ и у логорѣ Србскій;
 Новомъ Кнезу честиташе Кнежество,
 И свемъ Србству вазлюбљѣна Кнеза;
 Урра хукну, а топови рукну,
 Пакъ и Паша съ Шекибѣ-Ефендіомъ
 Садъ у народъ къ новомъ уђу Князу,
 И ту одъ нѣг' буду почашѣни,
 Мало і' было, ал' в гостѣма мило,
 Часть в иста са свєг' срца чиста.
 Отал' оде Шекибѣ и ѣамиле,
 У своєга града и сарая,
 Пакъ сѣдоше кнѣиге написаше,
 Свак' одъ своє руке и начина
 Свомъ честитомъ Цару господару.

Пакъ дозивлю татара Рушита,
 Нѣму даю обѣ кнѣиге свое,
 И Народню за свог' Княза просьбу;
 Оде татарѣ ка' и силный вѣтарѣ,
 Ал' ни полу іошѣ непрошѣ пута,
 Народъ Србскій пошлѣ и одъ себе,
 Свомъ Посланству там' у Цариграда,
 Све што і' амо да предлѣжи тамо,
 Князь да избранъ Караѣорђевићъ сыне,
 Кад' Мияйло Народъ оставіо,
 И пребѣго у Нѣмачку землю;
 Оде дакле за Рушитомъ Кнеце,
 Трећег' дана са истѣмъ гласма.
 Топрвѣ сад' се Шекибѣ-Ефендія,
 Збиля спреми у Стамболѣ отиде,
 И Срби му даду пратіода,
 Хазнадаромъ бывшега Симића,
 Да му свуде онѣ при руцы буде. —
 Нѣе прошло неколика дана,
 Кад' мишлясмо да в Нице тамо,
 Ал' ето га къ нама и овамо,
 Гласъ доноси, те се кѣимъ поноси:
 „Бератъ Князу Царѣ в подписао,
 И ето га за мног' узастѣпце,
 Князь в Србскій Караѣорђа сыне!“
 То кад' чуо Србскій логорѣ цѣлый,
 Зачула в и сва Србадія,
 У Врачару при Божѣмъ Олтару,
 Ту сви Срби Богу благодарє,
 На томъ дару и Бога и Цара,
 Пакъ просиплю Шенлукъ и веселѣ
 Сви топови грме и пуцаю,
 Нит' в шала нит' в срећна мала,
 Садъ Србія правоѣ стече Бладца
 За кимъ чезну сва одавно Срдца;
 Ал' в было душманѣмъ закрочио,
 Србску землю па и Србску славу,
 Зломъ извѣстный Обренбеговићу,
 Србске крви не бѣше му доста. —
 Ал' іошѣ радость и ту сумножава,
 Гласъ одъ Цара: „Богъ му дао сына!“
 Истопрвѣ се и то натѣчице
 Садъ веселе и Турцы и Срби,
 Ноћи сяю ка' и ясни дани,
 Одъ пуцняве топовѣ и пушака,
 Одъ обштега градског' освєтлєня,
 Сватко пѣва, сватко се надпѣва:
 „Богъ да живи Цара честитога,
 И сына му новорођєннога,
 То в благо, што в Богу драго!!
 Богъ и Княза да живи Србскєга,
 Богъ насъ чуо пакъ све испуніо!!!“
 Сиротинѣ свагда і' добра воля,
 Зато и Богъ сиротиню слуша,
 Све іѣ дає, за чимъ она хає.